

Художник должен потеряться

29.03.05

Сара Мун о памяти, календаре Пирелли и цирковой школе

Михаил Сидлин

Сара Мун – та редкая модель, которая смогла перейти «на другую сторону». Когда-то объектив смотрел на нее, но уже много лет она сама смотрит в глазок камеры. Она стала известна как фотограф моды, но давно уже занимается «чистым искусством». Сара Мун – завсегдатай фестивалей, которые устраивает Московский дом фотографии (особенно месячника «Мода и стиль в фотографии»). Ныне ее выставка «Красной нитью» (фото и видео 2005 г.) открыта в Галерее на Солянке (см. об этом НГ от 22.03.05). А на групповой выставке «Календарь Пирелли» в Новом Манеже можно увидеть снимок, который она сделала в 1972 году. Перед отлетом из Москвы Сара Мун поговорила с обозревателем «НГ».

Вы не первый раз в Москве. Вы уже снимали специальный проект с московскими слонами. Вы будете работать здесь дальше?

– Я была бы рада. Я попытаюсь что-то сделать в школе при цирке, потому что это меня очень интересует. Мне очень интересны юные атлеты, которые повторяют и повторяют одно и то же. Мне было бы интересно снять историю об этом. Я нигде не нахожу ничего подобного

– свое собственное зрение. Вы должны найти свое собственное, и это самая сложная вещь. Потому что вы находитесь под таким влиянием того, что вы любите, что вы можете потерять то, что вы в действительности видите. Так что, если вы немного знаете о том, что вы видите, вы должны остановиться и постараться взглянуть внутрь себя, чтобы увидеть то, что находится снаружи. Я всегда говорю, что я закрываю свои глаза перед тем, как открыть их.

Вы должны остановиться и постараться взглянуть внутрь себя, чтобы увидеть то, что находится снаружи

– Московский фотограф Владимир Мишуков сказал мне, что когда вы снимаете, то у вас глаза открыты, как у ребенка.

– Когда я гляжу на что-то, то я гляжу на это впервые. А правда в том, что, когда вы глядите на что-то впервые, вы выглядите ребенком. Во второй раз у меня уже другое выражение.

– Почему вы сфотографировали Владимира и его жену?

– Только для себя – чтобы помнить их.

я хочу отметить. Когда я собираюсь в цирковую школу, я не знаю мотивации, не знаю, почему мне это так нравится. Мне нравится то, что на арене каждый заботится о себе сам – старается делать то или другое... Это важный символ. Это не про память, это про открытие и узнавание в то же самое время. Есть нечто в памяти...

– Нечто в коллективной памяти, может быть?

– Я всегда думала, что есть коллективная память и коллективное бессознательное. Но я не

знаю мотивации. Она находится тогда, когда начинаешь идти вперед.

– Есть прямая фотография и постановочная фотография. Вы используете и то и другое?

– Да. Потому что и в жизни тоже есть постановка. Когда я вижу постановку в жизни, то этого достаточно. Когда я не вижу постановки в жизни, я ставлю сама. В любом случае это выдумка. Я трансформирую реальность – как бы там ни было,

нечто, на что я реагирую очень остро, – власть.

– То, что вы делаете в своих художественных фотографиях, очень отличается от того, что вы делали в модной съемке. Вы снимали для календаря Пирелли...

– Это ошибка моей молодости! Пирелли... это было для меня тем, чем было, – Пирелли приглашает фотографов, чтобы делать календари. Это запрограммированный язык, и вам платят за то, чтобы вы сделали это так хорошо, как вы можете. Мода – это запрограммированный язык, который связан с сексуальной привлекательностью. Когда вы делаете такую съемку, у вас бывают хорошие снимки и плохие. А если вы работаете с арт-директором, он использует те снимки, какие он хочет, и он использует плохие, потому что он берет те фотографии, где девушки больше раздеты. Но когда это помещают на стену и говорят, что это – искусство, то я говорю: нет, это не искусство; и я не хочу, чтобы меня ассоциировали с такого рода искусством. Для меня это чисто коммерческая работа, которая иногда прекрасна: вы можете сделать прекрасные художественные фотографии, потому что вы пробуете свои возможности. Некоторые из моих фэшн-съемок мне до сих пор нравятся, потому что в них есть то качество, которого нельзя достичь дважды. Так что дело не в том, что я считаю заказную работу – фальшивой, дело в том, что каждый заказ – это попытка, и мне это нравится. Наконец, если бы меня не просили снимать моду, я бы никогда ничего не сделала, потому что если бы я не занялась этим, то никогда бы не поверила в себя в достаточной степени. Сулаж – вы знаете такого художника?

– Да. Я делал с ним интервью, когда он был в Москве.

– Сулаж сказал, что ремесленник знает свой путь, и он идет этим путем, чтобы делать свое дело; но художник должен потеряться, чтобы найти свой путь. Прекрасно сказано. И в этом – различие. Так что я всегда говорю молодым фотографам: вы можете заниматься этим, но вы всегда должны думать своей головой.

Из досье «НГ»

Мариель Хаданг родилась в 1941 году в Париже. Она стала известна под псевдонимом Сара Мун. В 60-е работала моделью от кутюр, брала уроки рисунка. В 1968 году начала фотографировать, работала для многих журналов мод: «Эль», «Вог», «Харперс базаар». Но в конце концов отказалась от мира моды, перейдя к субъективной фотографии. С 1979 года она участвовала в нескольких кинопроектах. В 1983 году делает персональную выставку в Международном центре фотографии, Нью-Йорк. В 1995 году получает французский Гран-при фотографии, ее ретроспектива проходит в Национальном центре фотографии в Париже.

Сара Мун участвовала в московском Фотобиеннале еще в 2000 году, а нынешний фестиваль «Мода и стиль в фотографии» – уже третий, в котором она принимает участие (на предыдущем, в 2003 году ее работы можно было увидеть в «цирковой» фотоподборке).

Сара Мун. Из серии «Красной нитью». 2005.

Фото предоставлено Московским домом фотографии

русскому цирку. Я не знаю, почему, но в этом есть нечто. Для меня – это традиция Центральной Европы. Может быть из-за русской литературы и кино – в этом есть нечто аутентичное, базовое.

– Какой литературы и кино?

– Чехов, Достоевский. В кино – Эйзенштейн. Для меня – это мастера мастеров. Мне интересен конструктивизм тридцатых. Я люблю Родченко.

– Но это очень далеко от ваших собственных фотографий, потому что вы занимаетесь субъективной фотографией, далекой от Родченко...

– Если вы любите что-то, то это вовсе не значит, что вы собирае-

– Для новой художественной работы?

– Нет-нет-нет. Это был просто моментальный снимок. Не портрет. Просто было что-то такое между ними. Образ лиц... И когда я увидела их, вся история уже была рассказана передо мной. И я просто хочу запомнить историю. Всякий раз хочется помнить о чем-то.

– Фотография – это искусство припоминания, памяти?

– Да. Для меня это играет важную роль. Я думаю, это скорее бессознательное, это очень трудно сформулировать. Когда вы меня спрашиваете «почему вы сделали это?», я не знаю ответа. Есть нечто, что трогает меня, что

я не говорю «правды». Я верю в то, что, для того чтобы верить, нужно верить. Это очень сложно.

– Есть род волшебной сказки в вашей серии, которая выставлена в Галерее на Солянке, и это одна из многих ваших сказок...

– Когда говорят «волшебная сказка»... но в моих сказках нет фей. Я использую только миф. Миф о Синей Бороде. Это устная литература – люди на протяжении сотен лет рассказывали это друг другу, и затем Перро случайно записал это, превратил в свою собственную историю. Я взяла ее, все изменила, но я сохранила миф об авторитете. Это